

кага прэзідэнта вядзе да таго, што зараз кіраўнікі Беларусі і Расіі як бы расплачваюцца за свае ранейшыя палітычныя памылкі пагаршэннем асабістых адносін, якія раней былі галоўным матарам інтэграцыі. У гэтым праяўляецца між іншым і самакрытычны падыход А.Лукашэнка да сваёй інтэграцыйнай палітыкі, прызнанне пэўных яе хібаў, аб чым дарычы ён неаднаразова гаварыў.

З выказвання аб ролі асабістага чынніка ў беларуска-расійскіх адносінах вынікае яшчэ адно дапушчэнне. Дрэнныя асабістыя адносіны лёгка паправіць. І менавіта так сказаў нядаўна А. Лукашэнка, адзначыўшы, што беларуска-расійскія адносіны можна лёгка палепшыць за некалькі дзён. Невядома, ці падзяляюць такую логіку разважанняў расійскія кіраўнікі. Дастаткова прыпомніць словы Д. Мядведзева аб тым, што ўзровень адносін з беларускім прэзідэнтам ужо не будзе такім, як раней.

Выкажу асабістае меркаванне, што асабістыя адносіны паміж А. Лукашэнкам і расійскім дуумвіратам палепшацца пасля прэзідэнцкіх выбараў у Беларусі, што аўтаматычна прывядзе да паляпшэння, нармалізацыі ўсяго комплексу двухбаковых сувязей.

Адзеньваючы гэтыя сувязі з амаль 20-гадовай рэтраспектывы незалежнага існавання Беларусі і Расіі хацеў бы адзначыць, што праз сучасны ненармальны іх стан яны ідуць і, спадзяюся, прыдуць да нармальных міждзяржаўных адносін паміж суверэннымі і незалежнымі дзяржавамі.

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РЕФОРМА ФРАНЦУЗСКОГО ИММИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Снисаренко К. Л., Белорусский государственный университет

Распад биполярной системы международных отношений содействовал росту миграционных процессов в современном мире. В этих условиях обострилась проблема межкультурного взаимодействия. Особенно остро она встала перед французским обществом в начале 1990-х гг.

Низкий естественный прирост населения Франции содействовал росту числа иммигрантов и постоянно проживающих в стране иностранцев: 4,2 млн и 3,6 млн человек в 1990 г. До конца 1970-х гг. основу французской иммиграции составляли выходцы из европейских стран: испанцы, португальцы, поляки. Общая религия, близкий по характеру семейный уклад и уровень образования способствовали их быстрой интеграции во французское общество. Однако с 1970-х гг. наблюдался массовый приток в страну выходцев из афро-азиатских государств, обладавших иной культурой, религией, укладом семейной жизни. Во Франции эти иммигранты получили более низкий социальный статус: большинство из них были заняты на малооплачиваемых работах, а уровень безработицы был выше общего по стране.

Низкий социальный статус новых иммигрантов стал причиной высокого уровня преступности в их среде. Как следствие, наблюдалось стойкое ассоциирование французами понятия «иммигрант» с понятием «преступник».

Культурная и социальная чуждость нового поколения иммигрантов при постоянном росте их количества сделала актуальной для французского общества проблему развития взаимоотношений коренного и пришлого населения. Ухудшение социального климата в 1990—1993 гг. содействовало популярности наиболее консервативных взглядов на место иммиграции во французском обществе. На этом фоне победу на парламентских выборах 1993 г. одержала правоцентристская коалиция ОПР—СФД выступавшая за ужесточение иммиграционной политики. Принятый ей 13 мая 1993 г. Закон «По реформированию Кодекса о гражданстве» ограничивал право получения французского гражданства человеком, родившимся на территории страны в семье иностранцев. Он мог стать гражданином Франции только по достижении совершеннолетия и на основании осознанного выбора, приняв культуру и язык страны. Однако законодатель не определил точных критериев

оценки знаний французского языка и культуры. Задаче ограничения въезда иностранцев в страну и облегчения их экстрадиции отвечал Закон «Об урегулировании иммиграции, условиях въезда и нахождения иностранцев во Франции». Он предполагал продление срока задержания иностранца, не предоставившего документы полиции с 7 до 10 дней до его выпровождения за границу, что было связано с необходимостью точного определения личности нарушителя. Принудительно экстрадированный иностранец мог получить право вновь посетить территорию Франции только по истечении одного года.

Утверждение жесткого иммиграционного законодательства не вызвало сколь-нибудь серьезной общественной реакции. В то же время, иммиграционное законодательство 1993 г. не всегда соответствовало принципам соблюдения прав человека. В некоторых случаях принятые законы не предполагали процедуры принудительной экстрадиции иностранца из страны, но полностью блокировали все его права во Франции. Человек становился лицом вне закона, что противоречило его естественным правам.

Эффективность принятых мер была невысокой. Из-за того, что Закон «По реформированию Кодекса о гражданстве» не ввел четких критериев получения французского гражданства для детей иностранцев родившихся на национальной территории количество натурализаций таким путем заметно возросло. Наблюдаемый с начала 1994 г. рост экстрадиций за границы Франции лиц нарушивших условия въезда и пребывания в стране нивелировался низким уровнем их фактической реализации: 22,5 % в 1994 г. и 22,2 % в 1995 г. Страны проживания нелегальных иммигрантов отказывались вновь принимать своих граждан, а последние уничтожали документы удостоверяющие личность.

Предпринятые действия не содействовали широкой интеграции иммигрантов во французскую культурную среду. Маятник общественно-политического мнения качнулся в сторону монокультурного развития страны. Крайне консервативные взгляды французского общества и политического истеблишмента на проблему межкультурного взаимодействия содействовали популярности политического курса блока ОЛР—СФД. Однако их действия стали дополнительным козырем в полемике французских ультраправых организаций и партий: «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пена и движения Ф. де Вийе.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С УКРАИНОЙ В 2000-е гг.

Тихомиров А. В., Белорусский государственный университет

В первой половине 2000-х гг. отношения между Беларусью и Украиной сохраняли конструктивный характер и в целом развивались на прагматичной основе. Определенные проблемы в общении порожидала разнонаправленность внешнеполитических устремлений двух государств. В то время как руководители Украины декларировали желание обрести членство в европейских и евроатлантических структурах (весьма зримыми эти устремления стали в 2003—2004 гг.), для белорусского руководства главным внешнеполитическим приоритетом оставалось создание Союзного государства с Россией. Можно предположить, что именно эти расхождения не позволили окончательно решить проблему государственной границы между Беларусью и Украиной, возникшую в 1990-х гг. (в 1997 г. руководители двух стран скрепили подписями договор о границе, однако белорусская сторона увязала его ратификацию с погашением украинцами задолженности перед белорусскими предприятиями, возникшую в начале 1990-х гг. после исчезновения СССР).

Впрочем, обозначенная разнонаправленность внешнеполитических симпатий не стала непреодолимым препятствием в развитии двустороннего политического диалога. Беларусь и Украина координировали свои действия в международных организациях, в первую очередь в СНГ, ЦЕИ, ООН и ОБСЕ. В 2001—2004 гг. официальные лица в Киеве неоднократно подчеркивали, что рассматривают Беларусь в качестве ближайшего, дружественного соседа и стратегического партнера и выступают против ее «искусственной изоляции».